



*Хоть рифмуется проще и легче,
Мысли реже ловлю и трудней.
Разбазарил я в жизни беспечно
Много дней и немало ночей...*

Юрий Вожик

И вновь «Рифмованные мысли...»* КАК МНОГО ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

* «Рифмованные мысли» — цикл стихов, которым открывается мой поэтический сборник «От Лугани до Рейна», Луганск, 2010 год.







Любимому ювелиру

Не стоит отправлять в тираж
То, что сияет ярким франтом, —
Тот камушек семейный наш,
Что стал с годами бриллиантом.

Его пытались сокрушить
Враги и лучшие друзья:
Бить молотом, в тисках давить,
Но убедились, что нельзя
Ни заморозить, ни поджечь,
Ни надломать и ни согнуть —
Любой ломался в щепки меч.
Прошёл наш камень трудный путь.
И вот теперь он ярко светит
Звездой над Аккой и Сиднеем*,
И улыбаются нам дети,
Мы вместе с ними молodeем...

Чист бриллиант, как та вода,
Что наполняет жизнью мир.
И пусть Господь хранит всегда
Тебя, любимый ювелир!

27 июня 1955 года — 27 июня 2015 года
Ворошиловград — Ratingen

*Города, где живут наши дети.

Рано утром...

Мне б дожить, до чего сам не знаю,
До какого б доплыть мне буйка,
До какого карабкаться края,
Я не знаю — не думал пока...

Годовщины в строю, как солдаты,
Охраняют дальнейший мой путь —
Здесь крутые и круглые даты —
До столетья осталось чуть-чуть.

Продолжаю я жить в бизнес-классе,
Ни в грехах не погряз, ни в долгах.
Доживу я до мира в Донбассе,
Вновь увижу там радость в глазах!

Доживу я до самой до ручки,
Золотым отворю дверь ключом
И на свадьбу к прекрасной правнучке
Прилечу — мне ведь всё нипочём!

Нипочём километры и годы,
И врачам меня не запугать.
Доживу и увижу: народы
Дружно выйдут Мессию встречать!

А сейчас мне бы только дождаться,
Чтобы кофе любимой подать,
И, поверьте, я буду стараться
Столько жить... сколько Бог смог послать.

Конец 2015 года



Очень долго стоял у порога,
Всё боялся нарушить покой.
Но решился — теперь я в дороге
Междн небом и грешной земллёй.

Я любовью заброшен на небо
Из подлунного рая с тобой.
Никогда ешё счастлив так не был,
Как в безмерной стране голубой.

Здесь спокойно, комфортно, приятно:
Песни под оркестровую медь.
Но хочу я на землю обратно,
Чтобы заново в небо взлететь...

Не торопясь идём уютным Ратингеном.
Рука в руке, молчим, лишь редко — пара фраз.
И так же не спеша кровь движется по венам,
Которые навек соединили нас.

Всё общее у нас — и дети, и их дети,
И долгая любовь, и благость, и грехи.
Готовимся отдать без грусти эстафету:
В ней красота твоя, и к ней мои стихи.

Мы медленно идём, ведь нам спешить не надо.
Да и к чему спешить, когда с тобой вдвоём?
Но коли что, то сил нам хватит для парада:
Чеканя шаг, пройдём, а надо — запоём.

Сперва старинный марш «Прощание славянки»,
Потом на рідну мову* перейдём,
І далі про любов співатимем до ранку**.
Петь и дышать давно умеем лишь вдвоём...

Ratingen, 27.06.2016

*Родной язык (укр.).

**И дальше до утра будем петь про любовь (укр.).



Не получить мне призового места,
Видать, не попаду в финальный круг.
Меня слепили из другого теста —
Я вовсе не «**заслуженный супруг**».

Моё уменье всех оценок ниже,
Я гвоздь и то неправильно забил.
Чужды мне молоток и пассатижи,
Но я всегда одну тебя любил.

Любил одну, хоть это и не модно,
Боролся за тебя, тобою жил.
И, безусловно, звание «**народный**»,
Не в смысле «общий», — всё же заслужил!

Сегодня словом никого не удивишь.
Повсюду гласность, вседозволенность,
А ты по-прежнему по-детски в мир глядишь,
И навсегда в тебе застыла молодость.

По паспортам зачем года считать?
Пусть этим занимается статистика.
А будут приставать, так их послать...
Ты — молода! И никакой тут мистики.

Нет фокуса, и чуда вовсе нет.
Душа диктует возраст человеку.
Прекрасна ты и, не считая лет,
Такой останься хоть бы на полвека!

И продолжай красивое любить,
Будь то цветы, серёжки иль мужчины.
И жизнь люби, ведь так прекрасно жить!
И зря для грусти не ищи причины.

Любимой быть желаю я, любя,
Детьми и внуками, пускай живут на счастье!
И лишь одно оставь ты для меня:
Беречь тебя от слёз и от ненастья.

Тында, 16 августа 1988 года

Во всём, что написал когда-то
Или сумею написать,
Одна лишь ты и виновата,
Тут ни слукавить, ни солгать.

Не любишь льстить и не умеешь,
За свои принципы — горой;
Но если нравится — балдеешь,
А фальшь ты чувствуешь спиной.

И не приемлешь жизни прозу,
Готова двигать всё, менять.
Ты для меня — наркоты доза,
С ней только и могу писать.

Ты не сильна в правописанье,
Но тонко чувствуешь подвох.
Полупоэта покаянья
Прими, не будь тебя, я б сдох!

Ты кровь мою по венам гонишь,
Не доверяя тормозам,
Размассажиришь, уложишь,
Добавишь свежести мозгам.

Включён я, как в электросхему
Микроволновка иль утюг:
Отпала на мгновенье клемма —
Прибор немедленно потух.

Но гаснуть я не тороплюсь,
Я с детства темноты боюсь...

Что-то уж больно тоскливо...
В зеркало глянул внимательно
Немолодой мужчина.
— Где же она, обаятельность?

Не был ты гением века,
Не был ты и гусаром,
Слабеньким был человеком,
Плечи вкривь, ростом малым.

Не был ты генералом,
Не был ты и актёром,
Ни журналистом-нахалом,
Ни богатейшим вором.

Не был ты семьянином,
Не был отцом любящим,
Да и в работе — ленивым,
В общем, кругом никудашным.

Но чудеса приходят и разрывают тину,
И появляется Фея, имя которой — Лина!
И волшеством чудесным всё изменяет сразу,
И красоту наводит, и гонит прочь проказу.

Вдруг ты становишься гордый,
Ладный умом и телом.
Ты одеваешься модно,
В трудное лезешь дело.

Нет для тебя преграды,
В схватке любой ты пылок,
Лишь бы одна награда —
Свет от её улыбок.

Эти метаморфозы, знаю, легко не давались,
И на волшебный жезл слёзы порой проливались,
И на обычную палку Фея его меняла,
И колотила жарко, так же, как целовала.

И, не найдя ответа, думаю вновь и вновь,
Что если чудом этим мы называем любовь?
Только с тобою рядом быть я всегда хочу.
Так присылай телеграмму: «Верю. Целую. Лечу».

Чита, 1–2 мая 1982 года

